

УДК 81`25:821

***ВСТУПЛЕНИЕ “ПОПРАВКИ” В СИЛУ В РУССКОМ ПЕРЕВОДЕ:
ПЕРЕВОД ОБРАЗНЫХ СРЕДСТВ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ НА
ПРИМЕРЕ ТЕКСТА РОМАНА ДЖОНАТАНА ФРАНЗЕНА “ПОПРАВКИ”***

Григорьев А. Р.

студент 2 курса

*Национальный исследовательский Мордовский Государственный университет
им. Н. П. Огарева,*

Саранск, Россия

Андропова А. Э.

студент 2 курса

*Национальный исследовательский Мордовский Государственный университет
им. Н. П. Огарева,*

Саранск, Россия

Аннотация. Статья посвящена анализу передачи на русский язык различных образных средств, намерений автора в их использовании и особый культурно-исторический подтекст на материале текста романа «Поправки» современного американского романиста и эссеиста Джонатана Франзена.

Ключевые слова: художественное средство, метафора, метонимия, персонификация, ирония, фигуративный язык, перевод

***IMPLEMENTING “THE CORRECTIONS” IN THE RUSSIAN VERSION OF
TRANSLATION: TRANSLATION OF THE FIGURATIVE LANGUAGE ON THE
EXAMPLE OF JONATHAN FRANZEN’S NOVEL “THE CORRECTIONS”***

Grigoryev A. R.

Student,

National Research N.P. Ogarev Mordovia State University,

Saransk, Russia

Andronova A. E.

Student,

National Research N.P. Ogarev Mordovia State University,

Saransk, Russia

Abstract. This article is devoted to the analysis of translation into Russian various figures of speech, author's intentions to use them, and a special cultural and historical context on the basis of the "The Corrections" by a modern American novelist and essayist Jonathan Franzen

Key words: figure of speech, metaphor, metonymy, personification, irony, figurative language, translation

Необходимо отметить, что в действительности, каждая работа, даже не претендующая на звание «великого американского романа», а в некоторой степени стремящаяся приобрести статус признания таит в себе невероятную массу примеров употребления разнообразных фигур речи, исторических или культурологических аллюзий. Все эти приемы носят в большинстве своем стилистическую функцию. Стратегия пути, которую избирает переводчик при подаче «многогранных» выражений, имеет принципиальную важность. Во-первых, верная передача образных выражений помогает транслировать идентичность произведения, язык автора, самобытность культурной составляющей, ее существенной разницы от культуры, на чей язык переводится произведение. Во-вторых, эта важность обосновывается уважением и местом, которое требует к себе само произведение, идея показанная в нем с эстетической и эмоциональной составляющих. Для того чтобы выполнить эти задачи,

переводчик должен иметь понятие о том, как следует переводить данные средства, руководствуясь арсеналом языка перевода и языком самого произведения (который не всегда следует правилам исходного языка) и только при выполнении этих условий текст переводимого языка может иметь схожий эффект на читателя, как текст оригинала. Справедливо отметить, что многие языковеды прославились на этом поприще, в частности это зарубежные ученые Г. Дядюра, В. Карабан, Дж. Лакофф, М. Блэк, Н. Гудмен и др.

Проблема перевода образных выражений в художественном тексте отличие от научного представляет собой предмет особой важности, прежде всего это перевод таких средств выражения как эпитет, метафора, метонимия, ирония, персонификация и т. п. В контексте перевода романа «Поправки» нужно учитывать генеральный образ американской культуры на столкновении двух веков, двух статутов, борьбу идеалов, столкновение «Great generation» («Великое поколение») и «Me generation» (Поколение «я»), весь калейдоскоп путей героев и их сходство с практически каждой американской семьей в тот период времени. В этих условиях автор пытается придать эмоционально-экспрессивную оценку существующим явлениям, используя «фигуративный язык» и тем самым прямо или косвенно передает смысл. В паре языков, как правило, находятся эквивалентные фигуры речи, которые позволяют приблизить перевод к оригиналу.

Таким образом, перевод образных средств составляет особый тип задачи для переводчика. Так, например, перевод метафор требует тщательный анализ фрагмента. Переводчики пытаются сохранить метафоричность исходного текста, и это представляет большую сложность, если метафора является «сквозной» или опирается на длинный фрагмент исходного текста и представляет собой развернутую метафору, т.е. метафору, последовательно осуществляемой на протяжении большого фрагмента сообщения. Тем не менее, «закон сохранения метафоры» гарантирует необходимость сохранения

метафорического образа при переводе. Английский переводчик Питер Ньюмарк был сторонником формирования определенных техник, которые позволяют приблизить текст перевода к оригиналу. Он описал ряд приемов, с помощью которых метафора может быть подана в художественном тексте:

1. Происходит сохранение метафорического образа, в случае если он понятен рецепиенту;
2. Оригинальная метафора заменяется метафорой-эквивалентом;
3. Метафора переводится сравнением;
4. Метафорический образ сохраняется с добавлением объяснений;
5. Метафора переводится перефразированием. [3]

В следующем примере можно проследить решения переводчика Л. Сумм при переводе фрагмента из романа «Поправки»

“He began a sentence: "I am—" but when he was taken by surprise, every sentence became an adventure in the woods; as soon as he could no longer see the light of the clearing from which he'd entered, he would realize that the crumbs he'd dropped for bearings had been eaten by birds, silent deft darting things which he couldn't quite see in the darkness but which were so numerous and swarming in their hunger that it seemed as if they were the darkness, as if the darkness weren't uniform, weren't an absence of light but a teeming and corpuscular thing.”[4] В этом примере, Франзен показывает всю отчаянность положения Ламберта старшего, страдающего болезнью Паркинсона когда пытаясь узнать положение дел в доме, он забывает, что он хотел сделать. В ответ на этот вопрос своей жене, он буквально теряет слова, и далее автор отводит место развернутой метафоре, связывая его недуг с положением странника в лесу. Переводчик применяет несколько техник при переводе этого отрывка, указывая, что когда Альфреда застали врасплох

«...каждое предложение делалось непредсказуемым и опасным, словно путь через лес...», тем самым она заменяет метафору сравнением со союзом «словно», т.к перевод “предложение стало тропинкой” прозвучало бы несколько нетипично для русской грамматики. Развивая мысль о забвении, автор продолжает, что «он больше не мог видеть просвет того места, откуда он вышел»; переводчик здесь заменяет описание на сжатое по смыслу сочетание «опушка оставалась за спиной», в какой-то степени это можно оценивать как перефразирование. Франзен продолжает с новой метафорой. В этот раз он сравнивает процесс рассуждения и связывания мыслей с крошками, которые странник оставляет позади себя, чтобы следовать им на обратном пути. Здесь переводчик полностью полагается на мысли автора и следует стратегии сохранения метафорического образа: «...он обнаруживал, что крошки, которыми он отметил дорогу, склевали птицы, проворные безгласные существа...». Далее те самые «крошки» сравниваются с «корпускулами» в биологии, и переводчик следует предыдущей стратегии: «...неразличимые в темноте, но прожорливо роившиеся вокруг в таком количестве, что казалось, это и есть тьма, как будто тьма вовсе не однородна, не простое отсутствие света, а кишение темных корпускул.». Был ли смысл переводить слово «кропускулы» на русский язык более привычным словом «частицы»? Переводчик предпочел оставить оригинальный термин, тем более, что он существует в науке.

Такая фигура речи, как метонимия может являться предметом дискуссии о том, какой метод позволяет в большей части отразить переводимую единицу в тексте оригинала. Смысл метонимии заключается в том, чтобы выделить свойство характерное для отдельной единицы, другой, но смежной единицы, например словосочетание Белый дом употребляется для обозначения администрации Президента США.

Академик Казакова Т. А. в учебном пособии «Практические основы перевода» описывает универсальные способы перевода метонимических единиц.

Она приводит несколько рекомендаций, которые позволяют переводчику справиться с задачей перевода метонимии.

1. Полный перевод метонимической исходной единицы применяется в случае полного совпадения языковых и культурных традиций выражения индивидуального свойства в паре языков;
2. Структурное преобразование исходной метонимии применяется в условиях несовпадения грамматических норм, когда исходный контекст, в котором употреблена метонимия, отсутствует в переводящем языке способа выражения для исходного индивидуального признака;
3. Семантическое преобразование исходной метонимии происходит в условиях отсутствия в переводящем языке способа выражения для исходного индивидуального признака;
4. Функциональное преобразование исходной метонимии применяется в условиях несовпадения стилистического статуса метонимической единицы в исходном и переводящем языках;
5. Полное преобразование исходной метонимии, то есть восстановление прямого именованного, применяется в условиях значительного расхождения культурных традиций, когда исходное метонимическое слово не существует в переводящем языке и неизвестно переводящей культуре.[1]

Попытаемся проследить перевод метонимии в “Поправках” на следующем примере: “Mr. Twelve Thousand Shares of Exxon, at Gary's left shoulder, cupped his hands to his mouth and booed her.”[4] В данном отрывке автор пишет о негативном отношении акционера. Метонимия “Mr. Twelve Thousand Shares of Exxon” было переведено как «М-р Двенадцать Тысяч Акций «Эксона», сидевший по левую руку от Гари, заблеял ей вслед, приложив обе руки ко рту.» [2], т.е используя прямой эквивалент в русском языке. В следующем отрывке, жена главного героя Инид пытается спрятать почту от своего мужа Альфреда страдающего

Паркинсоном, «She didn't think of herself as a guerrilla, but a guerrilla was what she was. By day she ferried materiel from depot to depot, often just a step ahead of the governing force.»[4] В переводе необходимо было выполнить двойную задачу, т.к. метонимия здесь одновременно играет роль метафоры. Это было представлено следующим образом: «Она не воображала себя партизаном, но больше всего дело смахивало на партизанские действия. Днем она передислоцировала матчасть, иногда лишь на шаг опережая правительственные силы.» [2] Сочетание «governing force» контрастирует с выражением «guerilla». Что относится ко второму способу перевода метонимии по Казаковой, т.е. когда происходит некоторое грамматическое преобразование, в данном случае это замена единственного числа на множественное. В переводе замена числа не имеет никакого эффекта, однако в оригинале благодаря единственному числу присутствует образа безличного и общего, антонимичного действиям партизан.

Персонификация или привычное русскому уху слово олицетворение находит роль своеобразного фетиша для писателя. Ее повсеместность и удобность для передачи образов играет на руку творцу, но может представлять еще одну проблему для переводчика вследствие различий между языками. У Дж. Франзена персонификация “встречает” читателя на каждом углу, писатель признается, что персонажи романа могут сами ассоциироваться с определенными предметами, что подчеркивает многозначность практически везде на протяжении книги. На примере следующего отрывка это можно тоже заметить: “In the elevator it seemed to Enid that the ship was suffering not only from a seesaw motion but also from a yaw, as if its bow were the face of someone experiencing repugnance...”[4] В моменте с лифтом на судне Инид почувствовала сильную качку, как будто ее источник ассоциировался с живым существом, в переводе вышло следующим образом: «В лифте Инид показалось, что судно не только ритмично подымается и опускается, но и крутит носом, словно человек, которому поднесли к лицу что-то гадкое.»[2], здесь происходит несколько

трансформаций связанных с различием в семантике и грамматики пары языков. Так, например, предикат «suffering» («страдало») было фактически опущено, что убавляет в конечном эффект дезориентации, которое несет описательное существительное «seesaw», которое также получило роль сказуемого в русском переводе, далее слово «yaw», которое является морским термином и переводится как «рыскание» перешло в глагол, который по сути описывает данный термин.

В другом отрывке автор текста описывает Нью-Йорк, для того, чтобы вдохнуть жизнь в этот город, он обращается к персонификации: «It was raining so hard in Manhattan that water was streaming down façades and frothing at the mouths of sewers.»[4] Данный фрагмент был представлен в переводе таким образом: «В Манхэттене дождь лил как из ведра, вода потоком струилась по фасадам домов, пенилась в раструбах водостоков.» [2]

Переводчик решил не передавать весь эффект сравнения бурных и пенистых вод с бешеным зверем с капающей изо рта пеной, что в то же время показывает образ безрассудности города; что иллюстрирует первый опыт родителей, жителей Среднего Запада, их визит к сыну и первое впечатление. Олицетворение в тандеме с метафорой которое могло заиграть яркими красками было сведено к строчке «вода...пенилась в раструбах водостоков.», т.е олицетворение было сжато в переводе.

Текст Дж. Франзена, кроме всех перечисленных ранее средств «фигуративного языка», обогащен иронией и черным юмором, что явно следует правилам «катехизиса» постмодернистов. По мнению австрийского лингвиста Д. Мюкке ирония представляет собой образ чье подлинное или подразумеваемое значение представлено через несовместимое и показное значение. Ирония, ставшая таким образом объектом исследований многих лингвистов, требует произведения определенных трансформаций при ее подаче на язык перевода.

Т.А. Казакова предлагает следующие способы перевода иронии:

1. Полный перевод с незначительными лексическими или грамматическими преобразованиями используется тогда, когда это позволяют как словесный, так и грамматический состав иронического высказывания в оригинальном тексте, если совпадают социально-культурные ассоциации;
2. Расширение исходного иронического оборота используется, когда смысл иронического высказывания неочевиден для представителей иноязычной культурной среды. В таких случаях часть подразумеваемых компонентов иронии облекается в словесную форму в виде причастных или деепричастных оборотов, различных атрибутивных конструкций и т. п.;
3. Антонимический перевод, применяется тогда, когда прямой перевод утяжеляет переводную структуру из-за различия грамматических или лексических норм и поэтому едва ли передает смысл иронического высказывания;
4. Добавление смысловых компонентов используется тогда, когда особенно важно сохранить исходные лексико-грамматические формы в условиях информационной недостаточности аналогичных форм в языке перевода;
5. Культурно-ситуативная замена употребляется в тех случаях, когда прямое воспроизведение способа выражения иронии невозможно, т.к. он не будет воспринят переводящей культурой, а сама ирония должна быть передана, поскольку она является частью авторского способа выражения [1]

В нижеприведенном отрывке из романа Франзен изобретает две ироничные ситуации или одну плавно вытекающую в другую: «"How big a tip was that?" Enid asked Chip on the sidewalk, under his building's marquee, as the driver heaved luggage from the trunk. "More like twenty, I'd say," Enid said. "Let's have a fight about this, why don't we." "Twenty percent's too much, Chip," Alfred pronounced in a booming voice. "It's not reasonable." You all have a good day now," the taxi driver said with no apparent irony.» и буквально через пару строк: «"We're both terribly

anxious," Enid replied, "to see where you work." Chip's doorman, Zoroaster, hurried out to help with the luggage and installed the Lamberts in the building's balky elevator». [4] Франзен наталкивает читателя на все то же столкновение взглядов двух поколений и разницу в понимании ценности денег между ними, также ситуация «усугублена» разрывом который проявляется «территориально» между «кукурузными полями Айовы», родом откуда были Ламберты и безумным метрополисом, где теперь обосновался Чип. Родители и сын ссорятся из-за чаевых водителю, который в свою очередь желает им хорошего дня, глядя на всю эту постановку в качестве невинного зрителя. А затем швейцар, Зороастр пытается «изо всех сил помочь» видя щедрость сына. В русском переводе мы имеем следующее: «Сколько же ты ему дал? – спросила Инид у Чипа; они стояли под козырьком подъезда, дожидаясь, пока таксист выгрузит из багажника вещи.

– Около пятнадцати процентов, – ответил Чип.

– По-моему, ближе к двадцати, – заявила Инид.

– Давай поспорим, прямо сейчас.

– Двадцать процентов – многовато, – прогремел Альфред. – Это неразумно.

– Желаю вам всем хорошего дня, – попрощался водитель, похоже без иронии.»

[2]

Даже сама фраза Франзена «with no apparent irony» подчеркивает ироничность данной сцены. С точки зрения структуры, связка прилагательное и существительное перешло в сочетание наречия и существительного, однако слово «похоже» в русском переводе является едва ли синонимичным к «apparent»; его первое значение «easy to see or understand» [7] ассоциируется со словом «очевидный», перевод таким образом позволил бы добавить комичности данной сцене. Эта прощальная фраза водителя такси не находит должной реакции, она является неуместной со стороны водителя, который «как бы обокрал» своих пассажиров (хотя деньги он получил от сына этих родителей).
Дневник науки | www.dnevniknauki.ru | СМИ Эл № ФС 77-68405 ISSN 2541-8327

Здесь ирония могла быть направлена как и на родителей (тогда водитель кажется более циничным), так и на самого водителя (тогда он кажется более невинным и читатель видя всю сцену с перспективы может понять всю неловкость его прощания в такой ситуации). Перевод последующего отрывка вызывает еще большую сложность, он был переведен таким предложением: «Швейцар по имени Зороастр выбежал на встречу, чтобы помочь с багажом и проводил Ламбертов в норовистый местный лифт.»[2] Ирония заключается в имени швейцара, скорее всего Франзен не просто так дал ему такое имя, которое в некоторой степени является нарицательным. Зороастр или Заратуштра это основатель персидской религии зороастризма, в основе которой лежит мантра борьбы со злым духом с помощью благих дел и мыслей. Швейцар видя «расточительность» Чипа рвется помочь с багажом, наблюдая ситуацию с таксистом со стороны. Он также пытается помочь «похоже без иронии», но это выходит ироничным, действия его кажутся неуместными и он становится жертвой иронии для читателя. В данной ситуации ирония теряет силу, которую получила бы если бы комментарий с отсылкой к данной личности был дан. Оба случая были переданы при помощи полного или дословного перевода, но во втором случае, чтобы раскрыть суть иронии требуется комментарий, который бы подкрепил суждение о том, кто именно вызывает иронию.

Рассмотрев проблему перевода художественных средств с одного языка на другой, можно сделать вывод о том, что в отличие от отработки теоретических навыков, следования рекомендациям при переводе образных средств, переводчики зачастую используют ориентированный на читателя и более практический подход, который может применять различного рода трансформации связанные как с грамматикой, так и семантикой. Все эти изменения вызваны разрывом между структурной составляющей одного языка и другого. Однако как мы убедились ранее, в большинстве своем переводчик придерживался тактики полного или дословного перевода, т.е. без каких-либо

добавлений, объяснений, что, в свою очередь, позиционирует текст перевода именно как перевод, а не как самостоятельный источник. В условиях перевода художественного текста, его фрагментов, переводчик не может позволить себе большой мобильности (в особенности если произведения фокусируются на форме как неотъемлемой части текста, где каждая фраза от природы принципиально важен составляет огромный пласт информации) и вынужден опираться на текст оригинала. Такое средство, как ирония вызывает наибольшую трудность, т.к. при работе с ней переводчик сталкивается с задачей ограниченности средств выразительности языка, в то же время эта задача может быть решена при более четком анализе ситуации и предложения переводческого комментария.

Библиографический список:

1. Казакова Т.А. Практические основы перевода / Т.А. Казакова. – СПб: Союз, 2001. – 320 с.
2. Л. Сумм перевод романа «Поправки» на русский язык. - ООО «Издательство АСТ», 2013 – 672 с.
3. Шикалов С.В. Способы перевода метафор в концепции Питера Ньюмарка // Вестник МГЛУ. – 2010. – № 9 (588). – С. 156–162.
4. Jonathan Franzen (2001). The Corrections: A Novel. New York: Picador
5. Jonathan Franzen on The Corrections – The John Adams Institute [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://youtu.be/RVf10hYIkL4>
6. Muecke D.C. The compass of irony / D.C. Muecke. - London: Methuen & LTD, 1969. - 276p. - <http://books.google.ru/>
7. Macmillan Dictionary [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.macmillandictionary.com/>

Оригинальность 75%